

Вопреки исторической правде

Тема борьбы свободолюбивых, прогрессивных сил с силами реакции — это крупнейшая тема нашего времени. Ей посвящены многие произведения советской литературы, в частности многие пьесы, с заслуженным успехом идущие на сцене театров. Но, к сожалению, еще случается, что некоторые наши драматурги пытаются склонизировать на этой актуальной теме, подменяя раскрытие существа исторических фактов легковесными и надуманными разговорами о них.

В качестве примера можно привести пьесу М. Козакова и А. Маркенгрофа «Остров великих надежд», напечатанную в пятой книге журнала «Звезда» за 1951 год.

Авторы замыслили намерением воспроизвести тяжелую, но прекрасную пафосом борьбы и веры в будущее жизни молодой Советской Республики в годы иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны, когда сплоченный вокруг Ленина и Сталина доблестный русский рабочий класс, возглавляемый трудящимися массами всей России, наносил решавшие узы иностранным интервентам и внутренней контрреволюции. Поставив мир перед поразительным фактом полного разгрома обильненных армий международного империализма, рабоче-крестьянская Республика убедительно продемонстрировала силу и жизнеспособность социального государственного строя.

Идея пьесы, как видим, очень возвышенная и благородная. Между тем в произведении она раскрыта ложно.

Пьеса начинается сценой в Париже, в отеле «Мажестик». Август 1918 года. Лицедеи Антанты — Ллойд-Джордж, Чарчиль, Клемансо — говорят о борьбе против Республики Советов. Даже самая обстановка действия вызывает ряд возражений принципиального и исторического характера.

В августе 1918 года американские «кулпинские» войска были уже в пределах социалистической России. Они пытались вести наступление на Севере, на дальнем Востоке и в Сибири. Поэтому в явное противоречие с историческими фактами приходят авторы пьесы, изображая после вторжения интервенционистских армий совещание руководителей Антанты, на повестке дня которого стоит вопрос: «что делать с Россией Ленина?» На самом деле, как ныне хорошо известно, планы капиталистических держав из антисоветской интервенции и о последующем разделе России между «победителями» начали разрабатываться буквально на другой же день после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Вызывает недоумение также состав участников совещания. Советской исторической наукой на основании обширных документальных данных доказано, что вдохновителем и организатором военной интервенции против Советской России в 1918—1920 гг. был американский империализм. Практически всем этим червьем контрреволюционным делом руководил тогдашний президент Соединенных Штатов — Вудро Вильсон. Если не он сам, то его личные агенты присутствовали всюду, где плелись сети заговоров против Республики Советов. Поэтому, изображая антисоветский говор империалистов, нельзя было обойти реалистов США.

Но, может быть, факту отсутствия уполномоченных американского империализма по своему антисоветским главарем и не стоило уделять особого внимания, когда бы в дальнейшем авторы разблачили роль захватчиков правителей, как главных виновников трехлетней кровавой агрессии против советской социалистической России. Однако маクロ-контрреволюционный курс политики правительства Вильсона, направленный на раздувание гражданской войны внутри России и на широкую кампанию мешанических подстрекательств больших и малых реакционных сил к войне с Россией.

В ПОСЛЕДНИЕ годы вышел ряд исследований наших критиков и литературоведов о крупнейших советских писателях. В этом же ряду находятся и новая книга В. Шербина об А. Н. Толстом.

Сравнительно небольшая по объему, эта работа является серьезным исследованием монографического характера и дает целое представление о творчестве одногодца из крупнейших советских писателей.

Написанная популярно, книга может быть адресована самым широким читательским кругам. Автор последовательно останавливается на наиболее важных этапах сложного, противоречивого и глубоко поучительного писательского пути, пройденного Алексеем Толстым за сорок лет литературной деятельности.

В книге дан правильный историко-литературный анализ творческого развития А. Н. Толстого. Сложность этой задачи заключается в том, что художник формировался на рубеже двух эпох и не сразу нашел свое место в борьбе за торжество нового социалистического строя. В его ранних произведениях боролись две противоположные тенденции — декадентская, по сути чужда ему, реализмическая, органически присущая его зодчеству, морально-правильному, жизнерадостному таланту. И в том, что уже в первоначальном творчестве писателя побеждают принципы реализмического искусства, большую и благородную роль (как это убедительно показывает В. Шербина) сыграли лучшие традиции русской классической литературы, и особенностями Тургенева и Гоголя.

Автор приводит интересный отзыв об А. Н. Толстом киргизской «Правды», которая в статье «Возрождение реализма» связывает его имя с теми писателями, которые рисуют в своих произведениях не «сказочные дали», а «подлинную русскую жизнь...»

Достижество книги в том, что об идейно-художественной эволюции писателя говорится без всякого стремления искусственно «выправить» творческий путь художника, сколько-нибудь его приукрашива. Исследователь подчеркивает, что

П. ИВАНОВ

ей, вовсе не получила освещения в пьесе. И, разумеется, нельзя не поражаться, как драматурги, в момент, как американский империализм нагло брасает оружием перед миром и собирает в антидемократический поход буквально все отребье человечества, смогли столь равнодушно отнести к событиям истории, воочию показывающим преемственность политики правительства Вудро Вильсона и Гарри Трумана.

Этот коренное пороки пьесы не обходимо говорить еще и потому, что правящая клика США и купленные ею присяжные агенты буржуазной исторической науки, вопреки правде фактов и документов, из всех сил стараются представить общественности мира дело так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Не в меньшей мере, чем обстановка действий, вызывает возражение и содержание описываемого совещания и тех действующих лиц. Так, например, они сочли уместным и нужным почернуть, что Клемансо настаивает на ликвидации германского генерального штаба и российской армии, обходя при этом всем известную истину, что именно руками немцев международный империализм пытался задушить Советскую Россию.

Весь разговор врагов Советской власти предпринят авторами пьесы в подчеркнуто игривой форме. У читателя непривычно возникает вопрос: кто вывел на сцену — злобствующие империалисты с животной ненавистью воспринявшим борьбу Великой Октябрьской социалистической революции, или бедолажи-богатыри из светских салонов?

Дальнейшее знакомство с пьесой еще больше убеждает в несерьезном отношении авторов к событиям истории.

Наиболее важные сцены пьесы — те, в которых изображаются великие вожди советского народа и всего прогрессивного человечества — В. И. Ленин и И. В. Сталин. Малейший недостаток в достоверности рисунка этих сцен перораст в грубейшую ошибку. Между тем авторы и тут не проявили элементарной бородородачности в обращении с историческими фактами.

Мало того, что в устах В. И. Ленина и И. В. Сталина драматурги вложили пигтэны из их выступлений, относящихся к другим историческим перипетиям, — они еще притягивают в пьесу лурко сочиненные эпизоды, искажающие образы самых ярких советскому читателю людей. Так, по пьесе В. И. Ленин узнает о патристическом поведении академика П. П. Павлова, резко отвергнувшего преподавателя американской переезжа на жительство из Советской России в США, ни от кого другого, как от английской журналистки. Это, конечно, вопиющая неправда!

Не могут удовлетворить читателя писатели, представляющие передовых советских людей. Здесь член коллегии Наркоминдела, старый большевик Арбатов, его юноша Женя, работник БУБ Захар Сосин, руководитель пополненной большевистской группы в оккупированном пограничном захваченным Ахангарском Альберт Сосин, его жена, сотрудник Наркоминдела Вера, рабочий Анисимов и другие. Базарское бы, какой кипучей должна быть деятельность этих людей, посвятивших свою жизнь делу пролетарской революции. В произведениях, однако, все они однотипны, схематичны, тузы, как старые монеты. Они представлены вне связи своей конкретной деятельности, в результате чего, естественно, их лучшие качества остаются невыявленными.

Так, старый большевик, советский го-

сударственный деятель Арбатов, лишь рассуждает о тяжестях, переживаемых страной, возмущается выходками оголтелых врагов, декларирует свою близость с вождями революции, но, по существу, бездействует, никак конкретно не проявляет себя как боевой, революционер-ленинец.

Честный Захар Сосин лишь мимоходом, походя осуществляет свою функцию разведчика. Случайно, на пути в театр, спутник Захара Жемя Арбатова опознает белогвардейца Савковского, и Захар устремляется по следу врага. Постоянно посетителями квартир Сосина по воле авторов оказываются материальный шпион Богем и иностранная корреспондентка Лотти Керрэлл, но Захар не проявляет и малейшей блитности, он занят собой, изучает английский язык и с серьезным видом подсчитывает, сколько составят за год и за плавматиатические четыре часа, которые он тратит в сутки для сна...

Подпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Полуподпольщик-большевик, посланец ЦК партии в оккупированной врагом зоне СССР Илья Сошин, и боярьшина, похищенные из-под стражи, изображены в пьесе как единственные представители общественности мира дела так, что якобы только англо-французские правители стояли за антисоветскую войну, а правящие круги США, руководимые Вильсоном, в этом предложении отошли с решительным осуждением.

Народы требуют Пакта Мира!

УСПЕХ ЭДИТ МЭНРО

АНГЛИЯ. С каждым днем растет число подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью величайшими державами. В движение против новой войны включаются все новые и новые слоны населения. Вот несколько примеров, характеризующих активность простых людей Англии. Группа сторонников мира, отправившаяся на завод фирмы «Роллс-Ройс» в Хиллингтоне, собрала во время обеденного перерыва 250 подписей. Другая группа собрала в обеденный перерыв на крупном машиностроительном заводе фирмы «Хауден» 172 подписи.

Сборники подписей Перси Райли и Джорджа Оуза из Портсмута хорошо известны сторонникам мира Англии. Они собрали уже по 8 тысяч подписей. Отличных результатов добилась жительница города Глазго Эдит Мэнро. Она в течение короткого времени собрала 700 подписей.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В ОТТАВЕ

КАНАДА. Как известно, 15 сентября в Оттаве, в здании канадского парламента, открылась очередная сессия совета Северо-атлантического союза. Всю передовую общественность Канады протестовала против этого собрания поджигателей войны. Перед зданием парламента к моменту прибытия делегатов совещания состоялась демонстрация канадских сторонников мира. Участники демонстрации, среди которых — ветераны войны, рабочие, студенты, женщины, несли многочисленные транспаранты с лозунгами: «Канада хочет мира», «Мы хотим жить — Атлантический пакт означает смерть», «Нашим детям нужно молоко, а не атомная бомба», «Заключите Пакт Мира между пятью великими державами!»

НАВСТРЕЧУ КОНГРЕССУ.

УРУГВАЙ. В стране идет деятельность подготовки к первому Национальному конгрессу сторонников мира, который намечено провести в середине октября 1951 года. Местные комитеты защиты мира усиливают работу по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира. Всего в Уругвае собрано около 160 тысяч подписей.

Дети трудающихся французского города Рема (департамент Нор) принимают деятельное участие в сборе подписей под Обращением Всемирного Совета Мира. За время летних каникул они собрали 3100 подписей. Юные сторонники мира организовали шествие по городу с плакатами и флагами пяти великих держав и торжественно вручали мэру заполненные именами бюллетени. На фото: мэр города Рема приветствует демонстрантов. На руках у него мальчик Мишель Башан, собравший 281 подпись под требованием о заключении Пакта Мира.

Снимок из французской газеты «Юманит»

Носители и носильщики западной «цивилизации»

Английский солдат, путешествующий на спине у корейского кула, — вот картина, превосходно симметризирующая англо-саксонскую «цивилизацию» в действии!

Для американской газеты «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Син», откуда мы заимствовали фотографию, — это только южнокорейская экзотика. Цинично равнодушная подпись под снимком гласит:

«Корейский экипаж: южнокореец, используя специальные носилки, выполняет функцию такси. Его беспечный седок — английский солдат».

Вот и все. Реакционная американская газета просто живописует повседневный быт оккупированной Южной Кореи и публикует этот фотоснимок, как бы хочет сказать: «Так было, так будет».

За время пребывания япон-захватчиков на территории Кореи не только этот кулик, а и все население оккупированных районов испытала на себе «блага западной цивилизации». Войска англо-американских интервентов, действующие в Корее, нарядно «погуляли», приобщив корейский народ к «культуре» империалистических разбойников...

Разрушенные бомбами и выжженные напалмом города и села, уничтоженные памятники корейской национальной культуры, сотни тысяч убитых мирных жителей, ежедневные прабежки и насилия, «лагеря смерти», созданные для насилия узников «беженцев» — таковы плоды деятельности американских и других империалистических «культуртрегеров» в Корее.

Но никакие варварства, никакие зверства со стороны так называемых «войск ООН» не могут сломить волю корейцев к борьбе за свободу и независимость. Быть кулик для империалистических поработителей — с этой участью корейский народ не согласится никогда!

◊

Пьер КУРТАД

на относительно милитаризации русской промышленности не были сами по себе американскими изобретениями, а созданные «европейской армией» якобы то и рассчитаны, чтобы помешать возрождению вермахта. К несчастью для этих господ, французы уже достаточно смыкали об этом в мрачные годы гитлеровской оккупации. Тогда в течение четырех лет стены Парижа тоже оклеивались афишами, прославлявшими «европейскую армию» и банду эсэсовских убийц, претендовавших на «спасение Европы». В речах, которые сегодня звучат из уст г. Шумана и других приспичников американского империализма, легко обнаружить почти текстуальное заимствование из исторических войн Гебельса. Это ходство не могло не поразить общественное мнение. В самой маленькой деревне Франции знают, что такое «европейская армия», знают также, что у Сталинграда ей выпал жребий, который она заслужила.

Пытались ли французы обратно — дело, заранее обреченное на неудачу. Факты остаются фактами, и по мере того как так называемая «атлантическая» политика приобретает в Западной Европе реальные очертания, становятся невозможным скрывать от рядовых французов ту простую истину, что подчинение американским империалистам одновременно ведет к возрождению прусского милитаризма. И надо сказать, что гитлеровские генералы, осмелевшие от авансов, выданных им в Вашингтоне, не делают тайн из своих намерений. Газета «Монд», как сообщалось на днях, опубликовала серию статей генерала Гудериана. При других обстоятельствах факт сам по себе беспредметный! Однако сегодня солдаты официальной командующий танковыми войсками Гитлера на страницах официального органа французского министерства иностранных дел цинично провозгласили цели немецкой военщины: возрождение рейх и гитлеровского вермахта. Дабы ни у кого не возникло сомнения, Гудериан повторился: добавить, что помешать воссозданию немецкой армии в рамках «европейской армии» хотят разве только «глуши».

Французское правительство, поощряемое госдепартаментом, пытается жалеть вид, что оно при любых условиях не остается в дураках. Вашингтонские решения оно изображает как «победу французской концепции», как если бы «план Шумана» и «европейской армии» и «план Шумана»

затемствованы были из «планов Гитлера». Однако эти планы отражают неизвестный всем гебельсовский прискорб. Французы помнят, что и Гитлер опровергал германскую агрессию «необходимостью» защищать Европу. Они помнят речи некоего «доктора» Фридриха, гитлеровского «теоретика», болтавшего у микрофона парижского радио о «защите европейских наций против большевизма». Рядовые французы убеждаются, что у разных горючих — г. Шумана и «доктора» Фридриха за одинаковыми этикетками одна и тот же товар — антисоветская клевета и ложь.

ПАРИЖ, 21 сентября. (По телеграфу)

Во Франции есть люди, которые глубоко потрясены последними событиями, но доверяют Вашингтону, но в то же время отказываются активно примкнуть к борьбе за мир и национальную независимость. Они находят прибежище своего рода безразличия, в покорности судьбе. Такое настроение особенно характерно для части средних классов страны. Сторонникам мира предстоит провести большую разъяснительную работу среди этих мужчин и женщин, не решившихся еще сделать выбор.

Беспокойство, вызванное американским диктатором, становится всеобщим. Мы говорили о средних классах, подавленных постоянным повышением стоимости жизни. Но тревога заметна также в самых различных кругах, включая некоторые слои крупных капиталистов. Так, например, определенная часть представителей тяжелой промышленности Франции обеспокоена угрозой немецкой конкуренции. Она протестует, в частности, против «плана Шумана». С растущим беспокойством она следит за бесцеремонным американским вмешательством в торговлю Запада с Востоком. Эти круги по остаются безразличными к плану Эйзенхауэра о возможном применении на территории Франции тактики выжженной земли. Напрасно их манят перспективой «последнего самолета на Нью-Йорк» в случае, если планы агрессоров потерпят крах. Это — слабое утешение для владельцев доменных печей, которые неизбежно транспортировать столь же легкое, как чековые книжки.

Недовольство американской политикой проникает даже в среду, считающуюся обычно реакционной, например, в военные круги. Здесь вашингтонские решения, предусматривающие, как известно, ликвидацию национальной французской армии путем ее подчинения американскому командованию, вызывают настоящую волну возмущения. Избавляются сейчас от последних иллюзий и круги интеллигентии, соблазненные американским космополитизмом. Они увидели тупость американской «культурной продукции», увидели подчеркнутое предрассудки мировой культуры со стороны троих монстров, претендующих на ее защиту.

Таким образом, мы можем теперь говорить о возможности создания во Франции нацистического фронта всех национальных сил для защиты независимости страны. Для страны должна единодушно понять: если она не хочет — а она этого не хочет, — чтобы гарнизон Гудериана стоял в Париже, она должна избавиться от Эйзенхайзера.

ПАРИЖ, 21 сентября. (По телеграфу)

затемствуют» того, что Агронский — «красный». И эти «доказательства» он вымывает из Лавина.

Фуллер приносит в дом Грэхема страх. По пятам агента следует призрак нуки и голода. Ведя достаточно ему сказать одно слово — и Грэхем будет уволен со службы, попадет в «черные списки».

Сам же Фуллер — со своими гестаповскими методами, со своим цинизмом, со своими расистскими повадками — отнюдь не является чисто-исключительным. Недаром Фаст пишет о Фуллере: «Всем своим существом он чисто напоминает Дэвида Грэхема». Да и сам Дэвид с самого начала относится к тому, чем занимается Фуллер, как к чему-то вполне нормальному слову. Он говорит возможной жене: «У инструма Фуллера своя работа, как и у каждого из нас».

Страх делает Грэхема пособника Фуллера. Но тем, кто готовит очаровательные погромные действия против прогрессивного лагеря, этого мало. Грэхем нужен им, как активный участник фашистской провокации. И вот запутавшемуся, психологически разделенному Грэхему предлагаются счастья себя, предав своего бывшего друга и совершив лжесвидетельство. В растерянности смотрит Дэвид на документ, ожидающий его подписи.

«Дэвид, не понимаю, что это значит. Фуллер. Неужели? А ведь там ясно сказано...»

Дэвид. Тут сказано... (Он снова глядит на документ, с трудом подыскивая слова.) Меня это ставит в странное положение. Здесь написано, что я знаю Леонарда Агронского как члена коммунистической партии и видел его партийный билет. Тут указан даже номер партийного билета. Я не видел его партийного билета, мистер Фуллер.

Фуллер (не бережно). Какая разница? Если там указан номер, значит билет существует.

А когда этого аргумента оказывается недостаточно, Фуллер прибавляет: «Не испытываете какую-то странную неудов-

летворенность, какое-то ей еще неизвестное, глухое недовольство всем окружающим?»

По мере того как происходит падение Грэхема, происходит и самоопределение Джейна. В последнем действии она уходит из дома Грэхема для того, чтобы начать новую жизнь. В заключительной роли она говорит мужу: «Ты знаешь меня так же плохо, как я знала тебя. Я не откажусь ни от моего ребенка... ни от моей страны. Эта страна — не только твоя и не только Фуллера, это — и моя страна. Запомни это, Дэвид. Это и моя страна, и я от нее не откажусь. Это только начало, Дэвид. Только начало. Затем...»

Так завершается падение Дэвида Грэхема.

В пьесе показаны три образа, характеризующие прогрессивные силы Америки, ее простых людей: это Агронский, о котором уже говорилось, негритянка Гильда и главное, Джейн Грэхем.

Как и многих других представителей негритянского населения в США, Гильду никогда не покидают опасения гната, вызванное расовой дискриминацией. И все же ее отличает высокое чувство человеческого достоинства. Автор ставит ее, по существу, перед такими же испытаниями, как и Грэхема. По ходу пьесы она теряет работу и подвергается еще более грубому насилию со стороны Фуллера, нежели Грэхем. Но Гильда выходит из испытаний с честью. Авторская ремарка гово- рит: «Теперь она уже испытана, но внутри ее нечто что-то упорно не хочет славиться». Это «что-то» ставит Гильду неизмеримо выше Грэхема, делает ее настоящим человеком.

Джейн Грэхем проходит в пьесе сложный путь перевоплощения ценностей. Она рождается и выросла в одном из южных штатов, где особенно живучи поблажки и традиции. Но Джейн глубоко человечна, она верит в равенство между людьми. Казалось бы, у нее есть все, что в Америке принято считать достаточным для счастья женщины. И все же Джейн испытывает какую-то странную неудов-

По страницам печати

«Трибуна люда» — Польша, журнал «Болгария», «Зерни и популит» — Албания, «Сабад неп» — Венгрия

Люблинский автозавод

Близится к завершению строительство крупного автомобильного завода в Люблине.

«Продукция этого гиганта», — сообщает газета «Трибуна люда», — раз в савесе решит проблему моторизации Польши. В статистических аналитиках 1938 года Польша находилась на последнем месте в графе «автомобили и мотоциклы в некоторых странах». В стране имелось всего около 7 тысяч грузовиков. О производстве отечественных машин не могло быть и речи. А теперь! Не пройдет и четырех лет, как автозаводы в Люблине и Стараховице начнут давать 25 тысяч грузовых машин в год, а завод в Жеране — 12 тысяч легковых машин. В 1955 году страна будет получать ежедневно по 100 новых автомашин.

Ни днем, ни ночью не прекращается шум строительства в Люблине. План предусматривает пуск завода в начале 1952 года. Но строители решили иначе: они говорят каждому вновь прибывшему рабочему: «Смотри, первую машину мы должны дать в этом году!»

В долине роз

Гитлеровские оккупанты вместе с бывшим царским правительством Болгарии успели уничтожить в стране 80 процентов садов и цветочных плантаций. В новой Болгарии трудовые кооперативные земледельческие хозяйства восстановили уже значительную часть розовых плантаций и ныне выращивают богатый урожай масличных роз. Из них лепестки получается бесцветное масло, называемое в тонких смесях парфюмерии и косметических изделий.

«Из четырех тонн розовых лепестков, — сообщает журнал «Болгария», — получается один килограмм.

Голливудский яд

Каждый четверг американская газета «Крикен сайенс монитор» печатает «указатель демонстрирующихся в настоящее время фильмов». Перечисляя киногарниты, которые можно увидеть на экранах гаражей, Приморья, можно увидеть на экранах гаражей, в которых расположены кинотеатры. «Крикен сайенс монитор» называет, а также характеристики американских фильмов — они дают весьма отчетливое представление о «боевых», изготавливаемых на голливудском киноконвенте.

«Сексуальное счастье» — обычная ме- лодрама с опасностью — обычная ме- лодрама с насилием и убийством.

«Вторая женщина» — психологическая мелодрама с неправдоподобным объясня- нием таинственных и зловещих событий.

«Под дулом револьвера» — мелодрама о сложном замысле гангстера совершить пе- бег из тюрьмы.

«В уголовном мире» — неправдоподобная мелодрама о бесчестном репортере и де- вушке, которую обвиняют в убийстве.

«Безумные любовные похождения доктора Гебельса» — история прихода к власти нацистов и их министра пропаганды, которая настолько страшна, что ее лучше не рассказывать.

«Четырнадцать часов» — психологическая драма, разыгрывающаяся вокруг молодого человека, угрожающего спрыгнуть с пятнадцатого этажа.

«Существо из другого мира» — кошмарные трюки, повествующие о страшном по- сетителе из Марса.

«Мародер» — грязное дело с обольщени- ем и убийством.